

«Я ХОЧУ В ШКОЛУ». ЛИТЕРАТУРА И ТЕАТР О РЕОРГАНИЗАЦИИ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А. В. Жучкова

Российский университет дружбы народов, Москва

Ригидное наследие советской системы, введение ЕГЭ, вызвавшее плачевные для российского образования последствия, создали крайне некомфортную и нетворческую среду в современной школе, особенно в области гуманитарного знания. В данной статье мы говорим о самопроизвольно зарождающихся тенденциях реорганизации отношений учитель-ученик и модернизации системы школьного образования, проявляющихся в современной литературе, театре и общественном сознании.

Ключевые слова: школа, ЕГЭ, личная инициатива, Жвалевский, Пастернак, РАМТ, литературный анализ

Школа — один из главенствующих хронотопов современного социума, время и место закалки характера, формирования и форматирования личности под нужды цивилизации. Школа — это всегда нелегко. Но современная российская школьная система нагружена дополнительными отягчающими факторами. С точки зрения ученика, таких факторов два: наследие советской системы, подавляющей личную инициативу учащегося, и введение ЕГЭ. С точки зрения учителей, этих факторов больше, так как к первым двум добавляется административно-бюрократическая нагрузка.

Но мы хотели бы подробнее остановиться на проблемах, касающихся только учеников. Первая из них — разрушительный для среднего и высшего образования деструктивный потенциал ЕГЭ.

Одним из аргументов в пользу введения ЕГЭ было стремление преодолеть разрыв между выпускником и абитуриентом: школа выпускала ученика, равномерно подкованного по всем общеобразовательным предметам, университет же выдвигал более высокие требования к навыкам и умениям в определенной области знания. До введения ЕГЭ между школой и вузом находилась промежуточная образовательная ступень подготовки, работа на которой велась нешуточная. Введение ЕГЭ призвано было выкорчевать эту ступень под лозунгом борьбы с коррупцией и равноправия регионов.

Но введение экзамена не может заменить подготовку к нему. Куда же дели абитуриентскую образовательную ступень? Ее «спустили» в школу. Была ли проведена реорганизация старшей школы, необходимая при слиянии двух образовательных ступеней? Были ли изменены учебные планы в соответствии со специализацией учеников по отдельным предметам? Выделены ли средства на реформу школ в стране, исходя из того же принципа, что региональные школы должны были стать равны столичным?

Нет, потому что настоящая цель ЕГЭ была иной. Пафос единого экзамена, уравнивающего школу с вузом и регионы со столицей, — лишь обертка,

суть же — в общем снижении уровня образования. Во-первых, единый экзамен отменил абитуриентскую ступень профильного образования, находившуюся между школой и вузом. Во-вторых, он отменил старшую школу.

Школьные учителя не могут и не должны готовить выпускника к поступлению в вуз по той объективной причине, что у них другая специальность. Педагогический институт выпускает педагога, а не исследователя. А поступление в вуз всегда требовало специализированного, научного подхода к предмету. Но вместо усиления и реорганизации школьной программы для старших классов по гуманитарным специальностям всё происходит наоборот. Литература и история в 9–11 классах сегодня практически не изучаются.

Программа по литературе в школе построена так, что изучение основного корпуса классической русской литературы приходится на 9–11 классы. Среднее звено, 5–8 классы, — это ознакомительное чтение, бессистемное и отрывочное. И только с 9 класса начинается изучение литературы по хронологическому принципу в контексте национальной истории и культуры. Но в 9 классе дети готовятся к ОГЭ, в 10 и 11 — к ЕГЭ по русскому языку. Русский язык сдают все, литературу — единицы. И те произведения, которые всё же читаются старшеклассниками, воспринимаются ими как реестр аргументов к эссе по русскому языку, и реестр аргументов к сочинению в 10 классе.

Философские смыслы русской классики более не востребованы. Эстетика не нужна вовсе. Нравственное и духовное воспитание, которое и составляет энергетику русской литературы, вообще ни в какой вопрос ЕГЭ не впишешь.

Итак, сегодняшние дети учатся литературе и истории до 8 класса. Далее начинается дрессировка, натаскивание на ЕГЭ. А что же «на выходе», то есть в вузе? После введения ЕГЭ год от года наблюдается неуклонная деградация первокурсников. Сегодняшние первокурсники филфака не владеют даже базовыми знаниями по литературе и истории. А без истории страны и ее культуры невозможно системное изучение литературы. Юные филологи не знают, что такое восстание декабристов и холокост, в каком году на Россию напал Наполеон и когда отменили крепостное право. Сегодня на первом курсе я занимаюсь тем, что раньше проходила со школьниками 9-х классов. Однажды на занятия выпускного, 4 курса филологов я принесла задание для абитуриентов, разработанное мною в 2002 году, до введения ЕГЭ. Студенты долго и увлеченно работали и после сказали, что им было очень интересно и они открыли для себя много нового.

Это одна сторона проблемы гуманитарного образования. Есть и другая, оставшаяся в наследие от советской системы, которая, кстати, в масштабах страны так и не была реформирована. Это проблема запрещения творческой свободы и личной активности учащегося. Особенно остро она стоит на уроках литературы. До сих пор студенты сетуют на то, что учителя запрещали им иметь собственное мнение. Но дело не только в учителях. Подобным образом до сих пор строится и программа по литературе, выполнявшая некогда задачу формирования единой идеологии советских граждан: на первых уроках по изучению нового произведения рекомендовано объяснять учащимся его идею и

лишь к концу цикла уроков, посвященных этому произведению, разбирать его художественные особенности. Что, разумеется, в корне неверно, ведь филологический анализ, как и любой анализ, идет от фактов к выводам. А от выводов — к тезисам и аргументам. Требования ЕГЭ по литературе и к эссе по русскому языку сводятся по большому счету к одному — к умению выстраивать систему тезисов и аргументов, но уроки литературы этому не учат, подменяя самостоятельное рассуждение муштрой и натаскиванием на формальные образцы и обобщенные речевые формулы.

Абсурдно. Бессмысленно. Скудно.

Реорганизация необходима. И она началась. Но не сверху, что было бы логично, а снизу. Протестное движение родилось даже не в среде учеников и учителей, а в современной литературе и театре. Так, Марк Розовский в «Театре у Никитских ворот» ставит «Недоросля» Д. И. Фонвизина в современных декорациях и костюмах. Он полностью сохраняет языковое содержание пьесы, меняя только визуальные и сценические акценты ее воплощения. И уже это становится культурным потрясением для многих учителей и родителей. Поделюсь личным опытом. Я водила на этот спектакль два класса. Первый (плюс некоторые учителя и родители) воспринял представление радостно и благодарно, более свободная трактовка позволила детям воспринять пьесу конца XVIII в. как близкую и актуальную. Второму классу не повезло. Его учителями являлась большая часть администрации школы, а многие родители входили в попечительский совет. На представлении они сидели с суровым видом и после высказали негодование, настаивая на том, что классику нужно смотреть только в классической сценографии. Что ж, детей было жалко. Они все равно хотели поговорить о пьесе, но эмоций и радости от спектакля у них было значительно меньше.

Похожую ситуацию описывает Е. В. Сафронова в статье «Литературные Лаокооны. О морализаторстве и интеллигентском ханжестве», посвященной постановке пьесы «Наташина мечта» молодого драматурга Я. Пулинович и рецензии ее школьниками и учителями. Пьеса «Наташина мечта» стала лауреатом всероссийской литературной премии «Дебют» 2008 г. В Скопинском молодежном театре «Предел» «Наташину мечту» поставила Екатерина Стафурова, многообещающая актриса «Предела» и в ближайшем будущем — режиссер (это дипломная работа Екатерины). Главную роль «вытащила на себе» восьмиклассница Анастасия Трифонова. Далее цитирую: «Все подростки в зале, ершистая самодостаточная аудитория, начали аплодировать, еще не зажегся свет, восхищенно свистеть и кричать: „Я реально в восторге!“ На обсуждение, о котором изначально просили зрителей, остались все старшеклассники, никто не сбежал к более завлекательным делам. Сошлись на том, что Наташа заслуживает жалости, снисхождения к своему поступку и в конечном итоге любви, которой не перестает грезить... И вдруг... Как под дых ударили. На вопрос режиссера: „Есть ли те, кому спектакль не понравился, и почему?“ — поднялась рука. Светлых чувств ни к Наташе, ни к спектаклю, ни к драматургу, ни к труппе не

испытала во время скопинской премьеры только одна учительница. Это была типичная учительница из комиксов: очки, брюзгливые губы, непоколебимый педагогический снобизм. Горячий протест против „некрасивого“ в искусстве. Ей, заявила она, много раз хотелось „встать и уйти“, потому что пьеса полна всяких грубостей и неприличностей. А искусство должно нести „культуру в массы“, это она как педагог авторитетно утверждает» [3].

И вот новое событие. В 2017 г. книга современных белорусских писателей, авторов книг о подростках и для подростков А. Жвалевского и Е. Пастернак, «Я хочу в школу», посвященная проблеме свободного творчества и личной инициативы в системе школьного образования, оказывается детонатором, запускаящим социокультурный образовательный бум: летом 2017 г. по этой книге РАМТ ставит спектакль, пользующийся у зрителей огромной популярностью (билеты в огромный РАМТовский зал раскупают за два-три дня). По поводу спектакля, книги и, главное, проблемы творческой свободы в современной школе в течение всего года проводятся конференции и круглые столы, а в сентябре 2017 г. в Москве начинает работать «Новая школа» на Мосфильмовской, по поводу открытия которой Евгения Пастернак пишет в своем Фейсбуке: «вы говорили, такой школы, как в нашей книге „Я хочу в школу“, быть не может? Вот она!» [<https://www.facebook.com/pasternakjane>]. Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак активно сотрудничают с «Новой школой», которая, действительно, оправдывает возложенные на нее ожидания.

В книге «Я хочу в школу» [1] художественное действие держится на силовых линиях *личность — общество, творчество — норма, инициатива — послушание*. В начале повествования описывается феерический образовательный проект, участники которого — учителя и ученики — взаимодействуют на творческих и психологически гармоничных основаниях, не проводя привычные форматные уроки, а изучая окружающий мир и самих себя посредством свободного информационного поиска и верификации полученных данных. Ученики особой 34 школы по всем показателям (в том числе и спортивным) во много раз превосходят среднестатистических школьников, но при этом, не ограниченные ничем, они оказываются не приспособленными к существованию в социуме. Когда особую школу расформируют, герои становятся учащимися обычных общеобразовательных заведений. Взаимодействию их с «нормальными» детьми и процессу изменения тех и других (а также их учителей) и посвящена эта книга.

Главный ее меседж — «учиться должно быть не сложно, а интересно». «Для меня главная проблема в книге и спектакле — проблема творческой личности, которая не желает поддаваться системе и всячески сопротивляется ей. А система пытается подавить личность, ее творческое начало — и без этой борьбы невозможно существование личности, эти вещи получают взаимодополняющими» [2], — признается Анна Ковалева, исполнительница роли завуча Злыдни, имя которой стало нарицательным.

Зал, состоящий из школьников, воспринимает спектакль РАМТа «Я хочу в школу» восторженно. Особенно удался создателям трюк с флешмобом, который устраивают героини постановки в качестве протеста против подавления личной инициативы школьников-героев и уже по собственному желанию аплодисментами поддерживают школьники-зрители. Злыдня мечется между рядами, призывая к порядку и послушанию, а школьники в единодушном порыве отстаивают право ребенка на личное мнение и творческую самореализацию. Вообще реакция школьников на происходящее на сцене на удивление естественна и активна. Я еще не встречала более благодарных зрителей, начинающих единодушно аплодировать по любому, показавшемуся им достойным поводу.

А ведь ничего революционного на сцене не происходит. Книга «Я хочу в школу» призывает к большей свободе в рамках существующей системы образования. Эту творческую свободу и личную инициативу учащихся можно и нужно использовать на уроках гуманитарного цикла и особенно литературы.

Первоочередной задачей при творческом подходе к обучению литературе является выработка навыков самостоятельного анализа литературного произведения. Главное условие при таком подходе состоит в том, чтобы все художественные феномены были обнаружены в тексте произведения самим учащимся. Как только ученик научается видеть текст как художественную структуру, можно задавать самый интересный вопрос: как ты думаешь, какую роль найденный тобой художественный феномен играет в идейном содержании этого произведения? То есть говорить о проблематике и идее. Тут-то и рождается исследователь, который имеет право на любое собственное мнение, если оно подтверждено и доказано текстом! Теория, данная как шифр, помогающий раскрыть тайны литературного произведения, усваивается легко, охотно и даже в большем объеме, чем предполагается в школьной программе.

Так же легко разрешается вечный спор по поводу пресловутого собственного мнения: «Конечно, — говорю я своим ученикам, — у вас может быть собственное мнение по поводу прочитанных произведений, но только доказанное текстом!» Это не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Конечно, гениальных филологов вряд ли встретишь в каждом классе, но на своем уровне каждый ученик способен анализировать текст. И как же он благодарен учителю, переставшему требовать от него стандартных реакций и позволившему проявиться его собственному исследовательскому и творческому началу!

По моему глубокому убеждению, дети всегда стремятся к обогащению своего внутреннего мира и испытывают благодарность за подаренные им новые способы познания. Опыт показывает, что они получают глубокое удовлетворение, открывая для себя возможность самостоятельно исследовать художественный текст и через него учиться понимать жизнь и самих себя.

В качестве заключения хочу еще раз отметить важность спонтанно возникшего движения, начатого книгой А. Жвалевского и Е. Пастернак «Я хочу в школу», для современной образовательной системы. Конечно, экспериментальное образование появилось в России не сегодня. Была школа Щетинина, дет-

ские сады Монтессори и прочее. Но все это были замкнутые в своей уникальности проекты. А книга Жвалевского и Пастернак предлагает не революцию, а эволюционную реорганизацию современной школы. Запущенное ею движение по модернизации системы школьного образования, освобождению ее от монолитных пережитков прошлого и призыв к большей творческой свободе и осознанности во взаимодействии администрации школы с учителями, а учителей с учениками я считаю многообещающим явлением сегодняшнего дня.

Список литературы

1. *Жвалевский А., Пастернак Е.* Я хочу в школу. М.: Время, 2013. 320 с.
2. Пьеса о школе: спектакль на злобу дня // Рамтограф. Интернет-газета о РАМТе. 2017. 19 дек. [электронный ресурс]. URL: <http://www.ramtograf.ru/sob-shkola-12-17.html>
3. *Сафронова Е. В.* Литературные Лаокооны. О морализаторстве и интеллигентском ханжестве // Regla. 2011. №11 (229). 25 июня. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2949&level1=main&level2=articles>

Об авторе

ЖУЧКОВА Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Москва; e-mail: sapra@mail.ru